

МАЛОЗНАТЫЕ ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ГОРДА СЕВЕРИИ
И ЗАПАДА

НАШ ДРУГ-КИТАЙ

ШИРШАН АСЕН

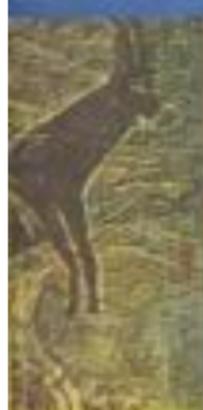

САМИН СЕРБИН

ПОБРАЖДЕМ ЛИЦО СИБИРИ

техника-
молодежи 12
1963
ИССОЛЖИТЪ В 1963-1964

ОМСКОЕ КОСМОСНОЕ
РОЗЖЕКТОР

В ДЕТСТВЕ

В МИРЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И ПРЕПОДАВАНИЯ

ЛЮДИ ДЕРЖАВНИ
ТЕОРЕТИЗМ

ПЕРВЫЕ
СТРАНАМИ
В НАШЕ
ВРЕМЯ
ИЗМЕНЯЮТСЯ

ЕЩЕ ОДНА ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА?

Валерий Яковлевич Брюсов

Не воскрешайте меня!

Писатель-фантаст. Вот штрих, который сейчас можно присовокупить к литературному портрету Валерия Брюсова. Предлагаемая сегодня первая публикация – не просто научно-фантастический рассказ. Это горькая ирония советского человека, который видит, сколь безрассудно тратятся лучшие силы и средства талантливых ученых в условиях буржуазного строя. Это едкая насмешка ученого-материалиста над бесплодными потугами буржуазных философов, пытающихся протащить под флагом позитивизма всякую оккультную чертовщину.

Публикация в журнале «Техника-молодежи», 1963 год. Иллюстрации. Е. Медведева.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Предисловие	0005
Не воскрешайте меня!	0008

**Валерий Яковлевич Брюсов
Не воскрешайте меня!**

Предисловие

Пламенное сердце патриота, распахнутое навстречу Октябрьской революции, «зажегшей новый день над дряхлой жизнью»... Многогранный интеллект, которому по плечу «груз веков», «книг, статуй, гор, огромных городов и цифр, и формул – груз, вселенной равный»... Поэт, романист, драматург, критик, переводчик, редактор-комментатор, исследователь стиха, историк и теоретик литературы, профессор МГУ – таким остался Брюсов в памяти благодарных потомков. Казалось бы, что еще можно добавить к исчерпывающим характеристикам, собранным дотошными исследователями грандиозного брюсовского наследия?

Писатель-фантаст. Вот штрих, который сейчас можно присовокупить к литературному портрету Валерия Брюсова. В архивном фонде Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранятся неопубликованные рукописи В. Брюсова «Восстание машин» и «Первая междупланетная экспедиция». А предлагаемая сегодня первая публикация не просто научно-фантастический рассказ. Это горькая ирония советского человека, который видит, сколь безрассудно тратятся лучшие силы и средства талантливых ученых в условиях буржуазного строя. Это едкая насмешка ученого-материалиста над бесплодными потугами буржуазных философов, пытающихся протащить под флагом позитивизма всякую оккультную чертовщину. В самом деле, от «воссоздания» мифического апостола по материалам его евангельской «биографии» – один шаг до спиритизма, который в те годы, когда Брюсов писал свой рассказ, пьяным угаром охватил головы неврастеничной интеллигенции, спасавшейся в омуте мракобесия от грохота войн и революций. Сатира В. Брюсова не потеряла своей актуальности и в наши дни,

когда «просвещенная» церковь, стараясь идти в ногу с веком атома и космоса, облекает религиозный дурман в тогу наукообразных философских концепций.

Не воскрешайте меня!

Научно-фантастический рассказ-памфлет

Так как меня предупредили о строгой тайне, которой Теургический институт окружает свою деятельность, то я запасся всевозможными рекомендательными письмами – и поступил предусмотрительно. В канцелярии института подробнейшим образом ознакомился с представленными мною рекомендациями, записали подробно не только мое имя, но также подданство, адрес, возраст, профессию и, наконец, заставили дать подписку в том, что я буду хранить в тайне все, что мне покажут. Если бы не ходатайства весьма влиятельных лиц и не собственные мои, хотя бы скромные, заслуги перед наукой, вероятно, мне тоже не пришлось бы переступить порог загадочного института, как не удалось это армии репортеров, осаждающих его вот уже три месяца, с того самого дня, как в печати проскользнули первые вести о новом, небывалом учреждении.

Заведующий канцелярией института пере-

дал меня старшему ассистенту, который потребовал, чтобы я переоделся в особый полотняный халат «во избежание заноса какой бы то ни было заразы», как объяснили мне, но, кажется, просто затем, чтобы лишить меня записной книжки и карандаша. Ассистент поручил меня заботам прозектора: прозектор довел меня до старшего сторожа, и уж сторож указал мне дорогу к кабинету директора. У дверей кабинета мне пришлось выждать еще довольно долгое время, пока, должно быть, наводились обо мне разного рода справки, и только после всех этих искусов открылся для меня вход в приемную директора.

По счастью, с директором мы были несколько знакомы, так как встречались на международных ученых заседаниях. Может быть, поэтому, а может быть, в силу моих рекомендаций директор принял меня весьма любезно: как говорится, рассыпался в извинениях за те затруднения, какие довелось мне испытать, но с важным видом согласился на необходимость строжайшей тайны в деле, «которое может быть превратно истолковано полуобразованной массой», «лицами, лишен-

ными правильной научной дисциплины». Говоря так, директор делал мне честь, исключая меня из числа этих несчастных, недостойных приобщиться к ученым таинствам института. А себя при этом держал отчасти как посвященный в некие великие мистерии, отчасти как «что-то вроде бога, хотя бы и второго ранга».

Директор хотел сразу повести меня осматривать лаборатории института.

– Вы дали подписку о соблюдении тайны? Очень хорошо! В таком случае пойдёмте, я вам покажу все, что...

– Извините, – возразил я, – но мне сначала хотелось бы получить кое-какие предварительные объяснения, так сказать, теоретические.

Лицо директора не выразило особого удовольствия при таком проявлении моей научной любознательности.

– Но ведь вам, – ответил он, – в общем известны задачи нашего института. Что же касается методов работы, то я не имею права открывать их.

– Признаюсь вам, что даже в общем задачи

института мне весьма неясны.

– Однако об этом столько писалось в газетах...

– Я знаю только то, что институт занимается воскрешением мертвых.

Директор открыто поморщился.

– Да, конечно, такого вульгарного толкования нашей проблемы недостаточно.

– Вот видите, насколько я невежественен!

– Будьте любезны, сядьте. Я сейчас вам объясню в нескольких словах сущность открытия, величайшего из открытий, когда-либо сделанных точным знанием. Дело идет, разумеется, не о «воскрешении мертвых», как пишут малограмотные репортеры, но о восстановлении психических центров, образовавших ранее личность. Вам ясно?

– Не очень.

– Хотя вы и работаете в другой области науки, нежели мы, однако мне, конечно, нет необходимости пояснять вам современную научную точку зрения на значение психических центров. Вы знаете, что пора старого, примитивного материализма давно миновала. О! Вне всякого сомнения, наука осталась пози-

тивной, какой она и будет всегда, пока человек будет мыслить по законам логики! Мы позитивисты в том смысле, что отрицаем всякую мистику, все сверхъестественное. Но зато границы естественного раздвинулись теперь гораздо шире, чем столетие назад. Теперь нам позитивным образом известно, что со смертью тела психический центр, образывавший личность человека, не уничтожается. Личность, так сказать, переживает смерть. Заметьте, я говорю не о бессмертии души, а о переживании смерти, о *пакибытии* личности. Это факт, установленный ныне экспериментально...

– Хорошо! Но ведь личность после смерти невидима, невосприимлема.

– В этом вы ошибаетесь. Каким же путем мы установили пакибытие личности, как не сделав ее восприимлемой для наших органов чувств?

– Спиритизм?

– Ах, оставим эти нелепые этикетки! Не спиритизм, а теургия, научно-экспериментальные методы, давшие возможность психическим комплексам, ранее бывшим лично-

стями, влиять на материальные элементы пространства и времени.

Мне еще долго пришлось выуживать у директора скудные пояснения того, что он называл «проблемой Теургического института». В конце концов я добился лишь одного признания: институт какими-то особыми, составляющими его тайну методами придает новую энергию «психическим центрам, составлявшим ранее личность», причем эти личности становятся чем-то материальным, получают весь внешний облик живого существа – человека. Большого я не мог добиться от любезного директора, хотя он и был чрезвычайно словоохотлив, если надо было изъяснять какое-либо школьное правило.

– Лучше всего пойдем прямо в нашу лабораторию, – сказал директор, устав уклоняться от расспросов. – «Посмотри и убедись», как Христос сказал Фоме неверному.

Директор позвал ассистента и сторожа. Они вооружились связкой ключей и предложили мне следовать за ними. Я повиновался, хотя оставался столь же неосведомленным о задачах института, как был, стоя у его порога.

У дверей лаборатории директор остановился и предупредил меня:

– Вы понимаете, что восстановленные личности нуждаются в особых условиях для своего существования. Необходима особо очищенная атмосфера, воздух, приготовляемый искусственно, затем некоторые особые радиоактивные эманации и тому подобное. Поэтому не удивляйтесь, что восстановленные изолированы нами от соприкосновения с внешней действительностью.

Я поклонился в знак того, что удивляться не буду. Я вообще дал себе слово ничему в институте не удивляться. Сторож зазвенел одними ключами, ассистент другими; дверь открылась, и мы вошли.

Лаборатория была погружена в абсолютный мрак. Когда зажгли электричество, я уви-

дел, что нахожусь в обширной продолговатой зале, всего более напоминающей залу музея, паноптикума или аквариума. Вдоль стены стояли огромные стеклянные клетки или ящики, а вернее – аквариумы, герметически закрытые со всех сторон. Таких стеклянных кубов было в комнате двенадцать, по шести на каждой стороне, но девять из них были пусты, а три остальные занавешены темной материей. Около каждой клетки стояли столбики с множеством кнопок, выключателей, распределителей и рукояток, помеченных цифрами и буквами. На верху каждой клетки была дощечка с надписью, словно в больнице над кроватью больного.

– У вас только трое восстановленных? – спросил я.

– О, это вопрос чисто материальный! – возразил директор. – Содержание каждого обходится в колоссальные суммы! Понимаете? Электрическая энергия, радий, искусственный воздух и многое другое! Бюджет института позволяет нам иметь одновременно лишь три объекта наблюдения. Но зато мы постоянно меняем объекты.

– Сколько же времени остается у вас один объект?

– От четырех дней до недели и даже до 10–12 дней, но не более. Да и опыты показали, что долее невозможно удерживать концентрацию восстановления. Она сама собою начинает вновь распадаться. Может быть, в этом виновато еще несовершенство наших методов... Во всяком случае, в настоящее время мы восстанавливаем именно на указанный мною срок.

– Итак, это воскрешение на короткое время! – не удержался я.

– Не будем говорить о «воскрешении», – как-то поморщился директор. – Это совершенно не научный термин!

Чтобы избавиться от дальнейших расспросов, директор поспешно повел меня к клетке № 1. Но я не сдавался:

– Извините мою навязчивость! Но ведь каждый восстанавливаемый пережил целый ряд возрастов. Я не знаю, каким чудом, – при слове «чудо» директор опять поморщился, – та «личность», которой вы сообщаете вашими новыми методами усиленную энергию,

обретает материальное воплощение...

– Становится пространственно восприимлема, – поправил меня ассистент.

– Пусть так: «становится пространственно восприимлема». Но в каком же виде представит она? Младенца? Юноши или девушки? Или взрослым человеком или, наконец, такой, какой была в минуту смерти? Как Деифоб, которого Эней видел в Тартаре с отрезанными ушами и носом?

Я подумал, что директор обидится на мою иронию. Напротив, он подхватил мои слова:

– О да! То была любопытная проблема! И она разрешена исключительно экспериментальным путем! Впрочем, и теоретически можно было предвидеть результаты. Внешность восстановленного есть отображение его собственного представления о самом себе. Вот почему обычно внешность восстановленных соответствует тому моменту их первого существования, в какой их психика достигала наибольшего развития. Таким образом, возможны объекты в облике человека зрелого возраста, но возможны и в облике старика, не исключена даже возможность и детского об-

лика. Например, при преждевременном развитии интеллекта, примеры чего известны... Но лучше всего обратимся непосредственно к объектам.

Более я не мог сопротивляться. Директор взял меня за рукав того полотняного халата, в который я был облачен, и почти силой повлек меня и пододвинул к самому стеклу. Я прочел надпись на дощечке: «Гегель, профессор философии. 1770–1831 гг.».

– Как?! – воскликнул я невольно.

Директор и ассистент самодовольно улыбнулись.

– Чтобы восстановить личность, – пояснил мне на этот раз ассистент, – мы должны с точностью знать факты ее биографии, особенности ее психики, даже самую ее внешность. Поэтому объектами опытов могут служить исключительно личности выдающиеся, жизнь которых можно проследить. Это же вполне естественно!

– О, конечно, вполне естественно! – поспешил согласиться я.

Директор дал знак, нажал какие-то кнопки, занавески колыхнулись, и за занавесками

разлился свет. Потом директор уже готовился отдернуть и занавески, но вдруг остановился и опять обратился ко мне.

– Видите ли, – сказал он, – теургия все же наука молодая, в наших опытах бывают кое-какие недочеты. Я должен предупредить вас, что опыт с Гегелем нам не совсем удался.

– Это оказался не Гегель? – спросил я.

– О нет, нет! Несомненно, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, автор диалектической философии. Дело в другом. А именно: восстановление удалось лишь частично. По-видимому, сам Гегель мыслил себя лишь как лицо и не чувствовал своего тела... Поэтому... Но вы сейчас увидите...

Директор отдернул темные занавески. Я увидел внутренность клетки или аквариума. То была кубическая комната со стенами из толстого стекла, совершенно пустая. Кроме какого-то полукресла-полуложа, стоявшего посередине. На этом ложе лежало что-то серое, какие-то клубы не то одежды, не то густого тумана. Но из этого тумана поднималась человеческая голова, и то был благородный об-

лик, о котором Шопенгауэр говорил в припадке злобы: «Лицо трактирщика, гласящее явно: заурядная башка».

Гегель не то спал, не то был в забытьи. Глаза были закрыты, губы беспомощно отвисли. По лицу ему можно было дать лет 30–35, но была какая-то старческая вялость в коже щек, в веках глаз. То был не труп, но и не живой человек. Что касается тела, то вместо него простиралась неопределенная масса, закутанная в серое, но, присмотревшись, я не без содрогания убедился, что эта масса в своей верхней части слабо вибрирует, как если бы там билось человеческое сердце!

Директор торжествовал и глядел на меня, как триумфатор.

– Мы сейчас разбудим его, – заявил он мне.

Опять были нажаты кнопки, повернуты выключатели, и вдруг лицо лежащего человека шелохнулось, глаза открылись, и на нас устремился бессмысленно тупой взгляд. Гегель смотрел и, по-видимому, старался что-то сообразить.

– Мы заговорим с ним! – воскликнул директор.

Он схватил трубку телефона, висевшую на столбике, поднес к губам и закричал громко по-немецки:

– Господин профессор! Как вы себя сегодня чувствуете?

При этом директор передал трубку мне.

Я смотрел на лицо Гегеля. Он расслышал вопрос, но понял ли его, не знаю. Все же губы на лице шевельнулись, часть тела, соответствующая груди, напряглась, словно легкие делали крайнее усилие произвести звук, и вот до меня долетел глухой, хриплый, неестественный голос:

– Молока бы! – это было латинское слово (точнее: «Немного молока!»).

– Что, что он говорит? – засуетился директор.

– Он просит молока, – ответил я, отдавая трубку.

– Ах, сейчас, сейчас! Завтрак № 1! – распорядился директор, обращаясь к сторожу, а в телефон прокричал по-немецки:

– Немедленно получите, господин профессор!

– Неужели восстановленные едят? – осведомился я.

– О, конечно, нет! – ответил мне ассистент. Мы особыми средствами возбуждаем их силы, а они принимают это как завтрак или обед.

Между тем Гегель опять закрыл глаза и впал в свою тупую дремоту.

– Перейдем к следующему, – предложил директор, задергивая занавески и гася свет.

Я не возражал. Мы подошли к клетке № 2, над которой было надписано: «Нинон де Ланкло[1]. 1616–1706 гг.».

На этот раз я подавил восклицание изум-

ления и только спросил:

– А этот опыт удался вполне? Директор немного замялся.

– Теургия – наука молодая... Получилась какая-то неправильность в органах дыхания... Короче, объект не может говорить.

«Ну, для Нинон не в этом главное!» – подумал я.

Директор отдернул занавески и осветил клетку.

Посредине клетки на ложе было простерто существо. Несомненно, то была женщина. Тело ее было закутано в какую-то зеленоватую материю вроде савана. Ног не было видно. Но зато выступали две руки – изящества и нежности изумительной. Ах, если теургия чем-либо может гордиться, то восстановлением этих двух рук: такой чистоты линий, такого совершенства форм я не знаю ни у одной античной статуи! А при всем том это были руки живого существа, живой женщины...

Но лицо... Нинон, когда ее осветили, тоже спала. Было несомненно, что перед нами лицо молодой женщины, и вместе с тем свежая кожа была стянута чудовищными морщина-

ми. И было что-то до ужаса отвратительное в этом сочетании молодого тела и старческих морщин! Была ли красива спящая? Нет, даже забывая ее морщины, нельзя было забыть мертвенности, больше того – трупности ее лица. То была не восковая маска, не лицо только что умершей красавицы, но мумия. Чудесно сохраненная и все же пролежавшая целые столетия. Хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть этого унижения красоты!

Но директор не замечал моих впечатлений. Напротив, он ликовал все более и более.

– Хотите поговорить с ней? – спросил он меня. – Она не может нам отвечать, но все слышит.

Взяв телефон, он спросил по-французски:

– Здравствуйте, мадам де Ланкло!

Лежащая женщина открыла глаза – мутные, вялые. Мгновение она смотрела на нас, потом медленно, видимо, с трудом подняла свою очаровательную ручку и поднесла ее ко рту.

– Что это? – спросил я. – Она жалуется, что не может говорить?

– Нет, – возразил ассистент, – она просит

есть.

Я готов был бежать из института. Мне казалось, что я видел достаточно. Но директор теперь уже сам не отпускал меня.

– А наш третий объект? Вы не хотите взглянуть на него? О, это один из самых смелых экспериментов!

Необходимо было согласиться. Я подошел к клетке № 3. На ней была надпись: «Иуда Искариот [2]. I век н. э.». Директор задыхался от торжества:

– Подумайте, какой триумф науки! Нас отделяют две тысячи лет, и восстановление достигнуто, достигнуто!

Занавески сдернуты, клетка освещена. Перед нами черноватая груда вещества, в которой лишь с трудом можно различить человеческое лицо, руки, туловище, ноги... Эта груда колыхается, двигается, трепещет.

– Восстановление несовершенно, – торопится заявить директор, – но ведь две тысячи лет!

Он передает мне трубку телефона. Я подношу к уху и слышу не то стон, не то хрип.

– Что это? Он тоже просит есть?

– Нет. Он так целые дни стонет, когда в сознании, непонятно почему. Может быть, что-либо неправильно восстановлено во внутренних органах. К тому же ведь биография Иуды нам известна далеко не во всех подробностях...

Я не слушаю дальше. Я почти бегу из лаборатории. Скорее, скорее на волю, к живым людям!

Когда я прощался, благодарил директора и ассистента за их любезность и предупредительность и выражал, как того требовала вежливость, свое изумление и свой восторг перед великим торжеством науки, оба члена института наслаждались моими словами как должной данью. Если бы я зажег ладан и воскурил благоухание перед директором, как перед иконой, он, вероятно, не удивился бы, но на самое прощание я сказал:

– Однако у вас в институте недостает одного отдела.

– Какого? Мы всегда готовы расширять наше дело. О, оно только еще начинается! Перед ним грандиозные перспективы!

– Несомненно, несомненно. Поэтому-то и необходим тот отдел, о котором я говорю.

– Какой же это отдел?

– Отдел приема прошений от тех лиц, которые заживо пожелают поставить условием, чтобы Теургический институт никогда не восстанавливал бы их своими методами. Я по крайней мере буду первым, кто подаст такое заявление. **Убедительно прошу вас меня научными способами НЕ ВОСКРЕШАТЬ!**

1918 год.

Примечания

1

Известная французская куртизаика.

[^^^]

2

Один из апостолов мифического Христа

[^^^]